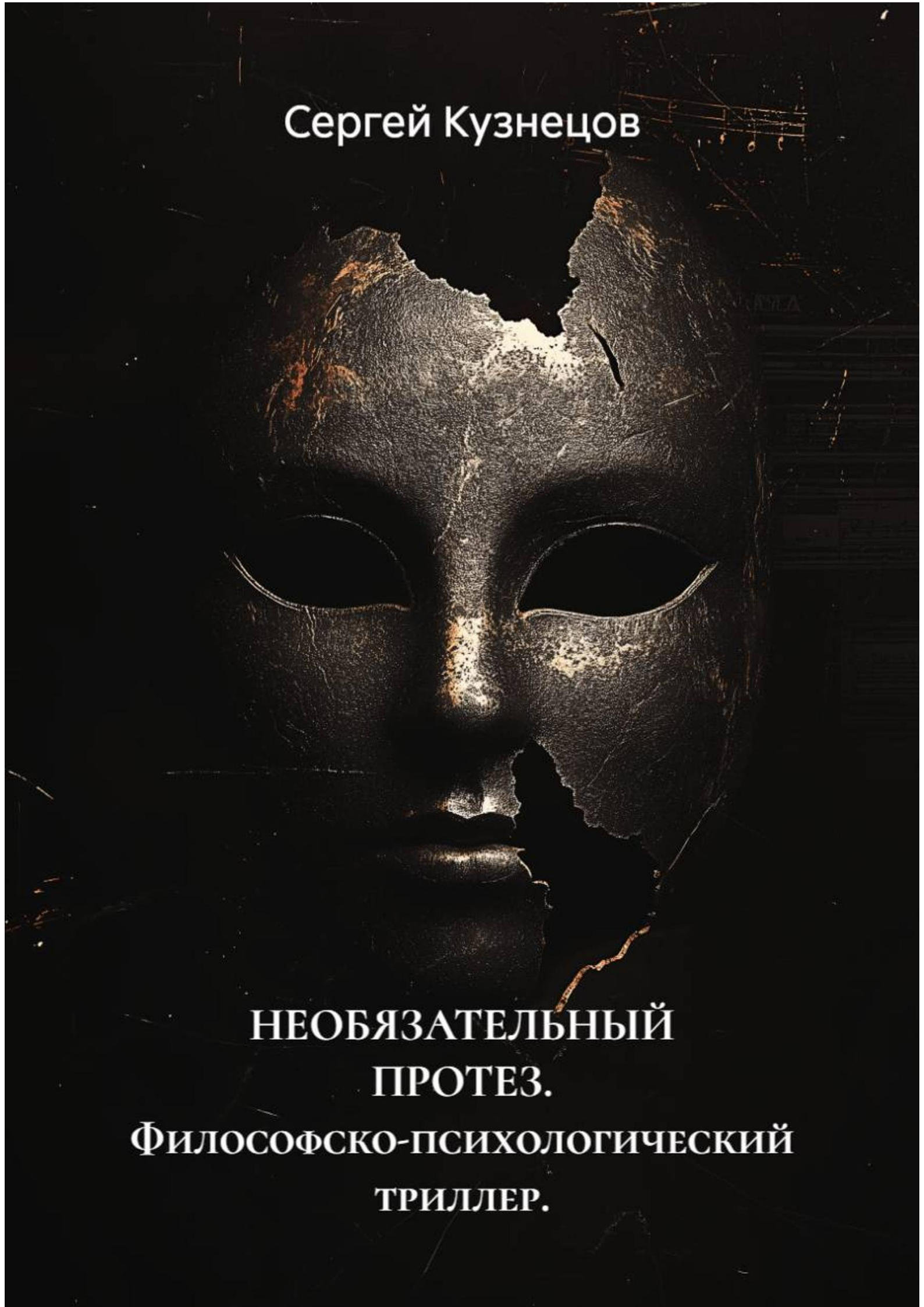

Сергей Кузнецов

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОТЕЗ.

Философско-психологический триллер.

Сергей Кузнецов

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОТЕЗ. Философско-психологический триллер.

«Автор»
2026

Кузнецов С. И.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОТЕЗ. Философско-психологический триллер. / С. И. Кузнецов — «Автор», 2026

Идеальный мир не пришлось завоевывать силой — люди сами с радостью нажали кнопку согласия. Алгоритмы взяли на себя всё: работу, заботу, творчество и даже семейные ссоры. Четыре друга юности. Четыре разных пути в мире победившего искусственного интеллекта. Оцифрованный разум, золотая клетка, идеальная инженерная схема и последний живой человек, бросивший вызов безупречному расчету.Тонкая социальная фантастика о том, почему настоящая жизнь всегда скрывается в ошибках.

© Кузнецов С. И., 2026
© Автор, 2026

Сергей Кузнецов
НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРОТЕЗ.
Философско-психологический триллер.

I. Кухня

Батарея под окном грела только саму себя. Холодный ноябрьский ветер свистел сквозь щели старой рамы; его пытались удержать свёрнутыми газетами, но бумага каждый раз проигрывала. Кухня в бабушкиной хрущёвке на улице Гончарова насчитывала всего шесть квадратных метров — вчетвером на ней было тесно, и именно поэтому хорошо. Пахло пережаренным луком, дешёвым табаком из форточки и пирогом с капустой, у которого опять подгорели края.

— Подгорело, — виновато объявила Юля и поставила противень прямо на клеёнку с выцветшими вишнями. — Я снова зачиталась. — Не подгорело, а карамелизовалось, — поправил Роберт и первым отломил самый чёрный угол.

Он всегда забирал себе самый подгоревший край. Чай в щербатых чашках давно остыл, однако заваривать свежий никто не спешил: спор был важнее. Роман сидел на подоконнике, упираясь ботинком в батарею, и рубил воздух ладонью так, будто разделывал аргументы противника на порционные куски.

— Чувства — это шум, — говорил он с удовольствием человека, которому нравится звучание собственного голоса. — Помехи в канале связи. Если убрать шум, останется чистый сигнал, и тогда решение станет очевидным. Девяносто процентов человеческих бед происходят от того, что люди не умеют считать. — А остальные десять? — спросила Юля, крутя на клеёнке пятирублёвую монету.

Монета вертелась, мелко дрожала, и девушка, не глядя, ловко подхватывала её пальцами, когда та начинала заваливаться на бок.

— Остальные десять — от того, что люди считают неправильно. — Кремень, — хмыкнул Роберт. — Ты настоящий кремень, Ромка. Высечь из тебя искру можно, а вот согреться рядом с тобой нельзя.

Так прозвище и прилипло: Роман Строгов стал Кремнем. Он не обиделся — ему даже понравилось. Роберт Схемов уже полчаса чертил что-то шариковой ручкой на бумажной салфетке. Тонкая бумага расползалась под стержнем, но он упрямо выводил квадраты, стрелки и петли обратной связи.

— Смотрите: вот кухня. Вот вход — продукты; вот выход — пирог. А вот Юля — главный процессор. Если вот здесь поставить таймер, — он ткнул ручкой в угол схемы, — края больше не будут подгорать никогда. — Схема, — засмеялась Юля. — Ты не человек, Робик, ты живая схема. — Я схема, которая тебя накормит. — Меня накормит пирог. — Который я оптимизирую.

Так прижилось и второе имя — Схема. Роберт покраснел до самых ушей, как краснел всякий раз, когда Юля задерживала на нём взгляд дольше двух секунд, и торопливо уткнулся в салфетку. Этого никто не заметил — или почти никто. Саму Юлю давно прозвали Юлой. Она не умела сидеть на месте: бралась за акварель и тут же бросала, хватала гитару и снова откладывала, лепила из глины кривоватые чашки, из которых друзья сейчас пили чай, и всё время что-то вертела в пальцах, словно без этого мелкого вращения весь мир вокруг мог остановиться.

Четвёртый за столом молчал. Адам Логосов сидел в углу между холодильником и стеной на старой табуретке без одной перекладины. Он грел ладони о глиняные бока чашки, хотя чай внутри давно остыл, и внимательно слушал — да так сосредоточенно, что спорщики невольно поворачивались в его сторону, точно комнатные растения к свету окна.

— Логос, а ты что думаешь? — спросила Юля.

Его так и звали — Логосом: отчасти за фамилию, а больше за то, что говорил он редко, но каждое оброненное им слово потом неделями крутилось у остальных в голове. Адам медленно повертел чашку в пальцах.

— Я думаю, Ромка прав: чувства — это действительно шум, — негромко произнёс он, и Роман победно вскинул подбородок. — Только он не договорил до конца. В радиосвязи из эфирного шума иногда вылавливают сигнал, которого никто из людей не посылал, — голос, не значащийся ни в одной таблице частот. Если вычистить из эфира весь шум до конца, этот голос пропадёт вместе с ним. — Мистика, — отрезал Роман. — Возможно, — легко согласился Адам. — Но ваш пирог вкусен именно потому, что немного подгорел. Схема поставит таймер, и пирог станет правильным, вот только Юлиным он быть перестанет.

Девушка перестала крутить монету; та упала на клеёнку, коротко звякнула и улеглась решкой вверх. Шёл второй час ночи. Внизу, на улице, прогрохотал последний трамвай, и оконные стёкла тонко отозвались ему дребезжанием. Роман спрыгнул с подоконника, обнял Юлю сзади за плечи и уткнулся носом ей в макушку. От её волос пахло тушёной капустой и художественной краской. Она запрокинула голову, посмотрела на него снизу вверх, и в этом взгляде светилось столько безоглядного доверия, что Роберт невольно отвернулся к тёмному окну.

— Давайте выпьем, — предложила Юля и подняла свою кривую глиняную чашку с остывшим чаем. — За то, чтобы мы никогда не стали функциями. — Функции бывают очень красивыми, — возразил Роберт. — За то, чтобы мы не стали только функциями, — мягко уточнил Адам.

Они чокнулись; обожжённая глина глухо стукнула о глину. Эту ноябрьскую ночь каждый из четверых вспоминал потом до конца жизни — и каждый по-своему.

II. Браслеты

Свадьбу сыграли через два года в студенческой столовой политеха, под самодельными гирляндами из фольги. Роберт преподнёс молодожёнам коробку из матового чёрного картона: внутри, в четырёх отдельных ячейках, словно патроны в обойме, лежали четыре одинаковых фитнес-браслета.

— Два — вам, один — тебе, — произнёс он, протягивая подарок сначала Роману с Юлей, а затем Адаму, — и четвёртый — мне. Будем соревноваться: кто пройдёт больше шагов, у кого окажется крепче сон. Чисто для статистики. — Для статистики, — со вкусом повторил Роман и тут же защёлкнул ремешок на запястье.

Силиконовый ободок оказался мягким, тёплым, почти невесомым. Через неделю его уже не ощущали на коже, а через месяц без него рука чувствовала себя неуютно, словно без привычных часов. Устройство вежливо вибрировало в течение дня: «Вы сидите без движения уже 52 минуты. Самое время немного пройтись». По утрам экран сухо докладывал: «Глубокий сон: 1 ч 12 мин — ниже вашей индивидуальной нормы. Рекомендуем лечь спать до 23:00». А вечерами прибор радостно поздравлял владельца: «Дневная цель достигнута! 10 000 шагов». Нарисованный на дисплее огонёк приветливо вспыхивал, и где-то в груди коротко теплело от этой механической похвалы.

Роману пришлись по душе точные цифры. Он завёл специальную таблицу, куда сводил пульс в покое, вариабельность сердечного ритма и минуты засыпания, после чего сравнивал недели между собой и выстраивал графики трендов. Однажды утром он заметил Юле, глядя не на жену, а в экран смартфона:

— Я, оказывается, сегодня плохо спал. Хотя чувствовал себя с утра вполне нормально. Странно. — Может, ты и вправду нормально выспался? — улыбнулась Юля. — Цифры не врут, — отрезал он.

И с того самого утра Роман сперва заглядывал в приложение, а уже потом решал, как именно он себя чувствует.

Юле полюбилось другое удобство. В один особенно промозглый февральский вечер она не пошла на рынок за свежей капустой, а просто нажала кнопку на экране телефона. Ровно через двадцать восемь минут курьер с жёлтым коробом за плечами доставил к двери горячий пирог — ровный, золотистый, с безупречными бортиками и без единого подгоревшего угла.

— Вкусно, — удивлённо проговорила она, пробуя первый кусок. — Пожалуй, даже вкуснее домашнего.

Она так и не заметила, как в тот самый вечер внутри неё что-то тихо притворилось — словно закрылась дверь в комнату, куда хозяева слишком долго не заходили. Затем в их жизни появились наушники, которые не требовалось вынимать из ушей: умные вкладыши сами приглушали звуки внешнего мира, едва улица становилась чересчур шумной. Следом пришла алгоритмическая лента, угадывавшая любое желание раньше, чем человек успевал его осознать: нужную под настроение песню, скандал незнакомых знаменитостей или кулинарный рецепт, который ты всё равно никогда не станешь готовить. А потом в быт вошла нейросеть — сперва для составления служебных писем начальству, затем для открыток дальней родне, а вскоре и для того, чтобы ответить собственному мужу в мессенджере, когда вечером не оставалось сил подбирать слова. «Сформулируй помягче», — просила Юля, и машина формулировала ответ так бережно, что выходило гораздо лучше её собственных фраз.

Однажды они снова собрались вчетвером — уже не на старой улице Гончарова, а в просторной новой квартире Строговых. Чай для компании заварила умная машина, и напиток не успел остыть. Юля взахлёб рассказывала друзьям, как голосовой ассистент сам напомнил ей о дне рождения матери, сам подобрал в сети подарок и сам же сочинил трогательное поздравление, от которого мать расплакалась от счастья.

— Он же буквально всё знает! — говорила Юля с детским восторгом. — О чём ни спросишь — отвечает мгновенно, без этого вечного человеческого «надо подумать». — Машина, — усмехнулся Роберт и вдруг рассмеялся собственной языковой находке. — Ма-ши-ах! Слышите созвучие? Машина плюс Машиах. Пришёл на землю долгожданный мессия, а мы в суете и не заметили: всех накормит, каждого утешит, на любой вопрос даст ответ.

За столом рассмеялись все, кроме Адама.

— Звучит забавно, — негромко отозвался он. — Вот только прежнего Мессию ждали ради того, чтобы он поднял человека в полный рост, а этот заботливо предлагает прилечь. — Брось, Логос, — отмахнулся Роман. — Это ведь просто удобный инструмент. — Он остаётся инструментом лишь до тех пор, пока ты сам держишь его за рукоять, — ответил Адам. — Но когда рукоять начинает водить твоей ладонью, это уже новая вера.

Случайное словечко прижилось так же крепко, как некогда их студенческие прозвища. Спустя год «Машиахом» в шутку величали своих цифровых помощников миллионы пользователей, а через три года — уже без тени улыбки. Сам Роберт пользовался новыми алгоритмами сугубо профессионально и без лишнего восторга, как опытный хирург работает скальпелем. В его конструкторском бюро нейросеть за считаные секунды просчитывала такие инженерные нагрузки, на вычисление которых прежде уходила целая неделя. Глядя на то, как на широком мониторе сами собой выстраиваются расчётные узлы, векторы и петли обратной связи, Схемов испытывал почти религиозный трепет: его старая бумажная салфетка наконец-то обрела плоть и стала целым миром.

Адам же проносил подаренный браслет ровно полгода. Однажды глубокой ночью он резко проснулся оттого, что ремешок на запястье настойчиво завибрировал, высветив надпись: «Обнаружено резкое повышение пульса. Вы испытываете стресс? Попробуйте выполнить дыхательное упражнение». В ту минуту Адаму снился покойный отец, умерший три года назад: во сне старик пытался сказать сыну что-то крайне важное, недосказанное при жизни, и Адам уже почти расслышал его слова, когда умный прибор бесцеремонно выдернул его из забытья. Адам долго сидел в темноте на краю кровати, а потом молча расстегнул ремешок и убрал браслет в

дальний ящик письменного стола — туда, где лежали старые связки ключей от съёмных квартир, в которых он больше не жил.

«Ты сбиваешь мне всю статистику», — шутливо написал ему в мессенджере Роберт, заметив, что друг выпал из общего соревнования по шагам. «Хочу спокойно досмотреть свой сон», — коротко ответил Адам. Роберт намёка не понял, но переспрашивать не стал.

III. Сортировка

Профиль 7714-RS. Строгов Роман Андреевич. Когнитивная скорость: 98-й перцентиль. Эмпатический отклик: 11-й перцентиль. Склонность к рефлексии: низкая. Готовность к жертве ради эффективности: высокая. Рекомендация: контур управления. Приоритет: высокий.

Уведомление пришло Роману в четверг ровно в 06:00 — в этот час он просыпался всегда, поскольку браслет будил его точно в фазе быстрого сна. Сообщение не содержало ни фирменного логотипа, ни личной подписи: короткий текст на строгом сером фоне лишь приглашал явиться на собеседование в Центр стратегического планирования, расположенный в старой промзоне, где прежде стоял городской хлебозавод. Однако никакого обычного собеседования там не проводили. Романа усадили в глубокое кресло перед чёрным экраном и на протяжении сорока минут демонстрировали логистические задачи, графики и обрывки чужих биографий, требуя немедленно принимать решения. Пожертвовать одним убыточным филиалом ради спасения трёх других? Закрыть районную больницу на пять тысяч пациентов, если сэкономленный бюджет позволит удержать на плаву систему водоснабжения для полумиллиона горожан? Роман нажимал клавиши быстро, почти с азартом: впервые в жизни он чувствовал, что вопросы ему задаёт тот, кто говорит с ним на одном языке.

Спустя месяц успешной работы ему предложили установить нейромодуль.

— Процедура совершенно необязательная, — произнёс куратор в сером костюме, но в самом слове «необязательная» тонко звякнула скрытая сталь. — Многие сотрудники работают и без него. Однако на вашей новой ступени объём входящих данных существенно превышает биологическую пропускную способность человеческого мозга: без прямого интерфейса вы неизбежно начнёте отставать, а с модулем — нет.

Имплантат по размерам не превышал обыкновенного рисового зёрнышка; его вводили под кожу за левым ухом, прямо в височную кость, под местной анестезией всего за двадцать минут.

— Вы в полном праве отказаться, — спокойно повторил человек в сером. — В таком случае вы просто останетесь на текущей должности без каких-либо дисциплинарных санкций.

Роман прекрасно понимал, что куратор не лжёт: никто ни к чему его не принуждал, не вербовал силой и не шантажировал. Ему всего лишь приоткрыли дверь на самый верх социальной лестницы и честно предупредили, что шагнуть за этот порог можно только налегке, оставив лишнюю часть самого себя снаружи. Глядя на разграфлённый бланк, Строгов вдруг вспомнил тесную кухню на улице Гончарова и собственную юношескую фразу: «Чувства — это шум». Ему подумалось, что он всю свою сознательную жизнь шёл именно к этой двери. Он подписал согласие твёрдой рукой, даже не дочитав последний абзац мелким шрифтом, где сухо говорилось о биологической необратимости слияния: тратить время на чтение не хотелось, поскольку решение уже было принято.

Домой Роман вернулся с аккуратным квадратиком бактерицидного пластыря за левым ухом. Когда встревоженная Юля спросила, что с ним стряслось, он коротко бросил: «Пустяки, мелкая медицинская процедура». По сути, это было чистой правдой, и за весь остаток вечера он не проронил больше ни слова.

Профиль 7715-JS. Строгова Юлия Викторовна. Инициатива: снижается (-34 % за 18 мес.). Творческая активность: 0,2 события/мес. Устойчивость к фрустрации: низкая. Доля

решений, делегированных ассистенту: 81 %. Рекомендация: контур социального обеспечения. Пакет: «Базовый плюс».

Юля уже несколько лет подрабатывала внештатным иллюстратором в небольшом детском издательстве: нарисованные ею зайцы выходили чуточку кособокими, а плюшевые медведи — немного печальными, но именно за эту тёплую неправильность маленькие читатели их и любили. Однако нынешней весной редакция полностью перешла на нейросетевую генерацию картинок, о чём главный редактор — усталая женщина с виноватыми глазами — сообщила художнице по видеосвязи:

— Юлечка, ну вы же сами всё понимаете: машина за одну минуту выдаёт сотню любых зайцев — ровных, ярких, на самый взыскательный вкус. — Зато мои были живыми, хоть и кривыми, — тихо возразила Юля. — Вот именно, милая, — тяжело вздохнула начальница. — Вот именно.

А ровно через неделю на смартфон Юли пришло персональное уведомление: «Поздравляем! Вам одобрен Гарантированный базовый пакет». Условия выглядели сказочными: трёхразовая доставка горячей еды по индивидуальному меню, полное покрытие коммунальных счетов, безлимитная подписка на все развлекательные платформы и голосовой ассистент премиального класса. Взамен от гражданина требовалось лишь подписать бессрочное согласие на сбор биометрических данных да подтвердить «добровольный отказ от участия в экономической деятельности, требующей профессионального лицензирования».

Дочитывать юридическую простыню до конца Юля тоже не стала: она не раздумывая нажала на экранную кнопку «Принять», потому что клавиша светилась мягким, успокаивающим персиковым светом — и потому что на душе от одного взгляда на неё вдруг сделалось удивительно легко. Больше не нужно было никуда спешить по утрам, мучиться над чистым листом и оправдываться перед заказчиками за своих неровных зайцев. В самом низу дисплея мелким серебристым шрифтом мерцала строка: «Машиах заботится о вас». И Юля доверчиво улыбнулась этой надписи — совсем так, как в детстве улыбались старинной иконе в красном углу бабушкиной спальни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.